

Новая газета Европа

РЕПОРТАЖИ • ОБЩЕСТВО

Капустин яд

Репортаж с полигона, где Россия испытывает на казахак ракеты для войны в Украине

Заброшенная российская база, занятая пастухами. Фото: Рауль Упоров

10:04, 21 февраля 2024,

Ирина Гарина

специально для «Новой газеты Европа»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Ракетный полигон Капустин Яр базируется в Астраханской области России. Но зенитные и баллистические ракеты, которые здесь испытывают, летят в сторону Казахстана и падают в Бокейорде — в степи, где находится особо охраняемый природный заказник.

После испытаний ракеты полетят убивать украинцев, но сначала их проверяют на казахах. Ракеты сбрасывают топливо в их степь, обломки падают у их домов, убивают их домашний скот, вспыхнувшие пожары казахи тушат сами. Еще тяжелее экологические последствия: взрослые в Бокейорде умирают от рака, дети рождаются инвалидами.

«Новая-Европа» увидела, как в мирном Казахстане люди десятилетиями живут под российскими ракетами и знают, что это тоже война России против соседей, только вслух этого не говорят.

«Власти пытаются это скрывать»

Дорога кончилась в девятом часу утра. Вместо асфальта перед нами возникла голая степь, изрытая кратерами, как поверхность Луны, и так же намертво скованная холодом.

Мы провели в пути уже около трех часов, по километражу оставалось меньше половины пути. На самом деле, чтобы преодолеть 550 километров от города Уральска до Бокейорды, нужно часов десять, а то и двенадцать. Это единственный район Западного Казахстана, не связанный с областным центром асфальтовой дорогой. Хотя, казалось бы, чего уж проще — проложить дорогу в степи.

Наш джип спускался в ямы, карабкался по барханам, потом вдруг нащупывал невесть откуда взявшуюся обледеневшую колею и несся по ней бодро, но недолго, потому что скоро колея пропадала так же неожиданно, как появилась. Мне всё время

казалось, сейчас этот вездеход рухнет на бок, но «Тойота» свое дело знала.

Слева возникли и стали быстро приближаться светлые точки. Это стадо сайгаков мчалось наперерез машине.

— Почему-то сайгаки всегда бегут наперерез машине, — флегматично поморщился наш водитель и гид Нагим Тажмуратов.

Пески — так зовут это место те, кто живет рядом. Но песчаные проплешины перемежаются с живой степью, которая с весны до осени цветет, и живут в ней не только сайгаки, но еще волки, лисы, орлы, толпы грызунов и других животных. Поэтому Бокейординский район Казахстана — это природный заказник.

Степь. Фото: Рауль Упоров

Человек может передвигаться по бокейординской степи только на джипе и только зимой, когда земля замерзнет, или летом,

когда засохнет. Еще лучше верхом на лошади, но это опасно, потому что волки. Один пастух попробовал гонять на мотоцикле — и разбился насмерть. А расстояния огромные. Между животноводческими «точками», примитивными хоздворами, где живут пастухи, километры безлюдной степи. Зато простор табунам лошадей и отарам овец. Нагим держит еще верблюдов, у него в степи несколько «точек».

— Здесь была идеальная земля для круглогодичного выпаса скота, — объясняет Нагим. — Когда-то были полноценные хозяйства. Потом, в конце 1940-х, в Капустинском Яру открылся ракетный полигон.

Полигонов для испытаний оружия, в том числе ядерного, на территории Советского Казахстана было семь. После развала Союза осталось три, их общая площадь — 8,7 миллиона гектаров. Капустин Яр — один из них. На нем СССР с 1947 года проводил испытания ракет, сначала трофейных Фау-2, потом собственных. С конца 1950-х начались ядерные испытания.

Запуски проводили в сторону Казахской ССР, но тогда это всё была одна страна, которая испытывала ракеты над головами собственных граждан.

— Потом полигон стали расширять, в казахские аулы приезжали военные с милицией и принудительно людей переселяли, — продолжает Нагим.

Когда Казахстан стал независимым, испытания российских ракет на его территории не прекратились, теперь республика сдает в аренду земли под полигоны. В Бокейорде полигон занимает половину всей площади района, 943 тысячи гектаров.

За аренду всех полигонов Россия **платит** по 2,3 доллара за гектар в год.

Пастушья точка, электричество от солнечной батареи. Фото: Рауль Упоров

— Это копейки, — усмехается Нагим. — Я за аренду земли для скота плачу больше. У русских тайга есть, почему там не испытывают? Они ракеты запускают только тогда, когда ветер с запада, со стороны Кап-Яра, и осколки в нашу сторону летят. В такие дни мы из дома выйти не можем. Никто не знает, где упадет. Были случаи, когда перед испытаниями российские военные приезжали к нам и вывозили жителей аулов за 10 километров. Обратно люди сами добирались. Сейчас в нашу сторону стали еще снарядами стрелять. У вас же война идет, наверное, снаряды на нашей земле тоже испытывают.

По условиям договора, Россия должна, помимо прочего, рекультивировать земли полигона. Но за всю свою жизнь Нагим не помнит случая, чтобы хоть одну воронку, оставшуюся

после падения ракеты, российские военные засыпали. У края одной такой ямы он остановил машину. Потом проехал еще немного и остановил у другой. И у третьей. И у четвертой. Вся степь испещрена воронками глубиной в человеческий рост. Когда мы приехали, морозы за минус тридцать стояли вторую неделю, и вода в воронках замерзла.

— Официально это территория полигона, но мы здесь пасем скотину, потому что иначе просто негде, — говорит Нагим. — В воронках скапливается вода, скот ее пьет, и мы не знаем, безопасно ли это. А это мясо, молоко. Как-то у меня пропала отара овец вместе с пастухом. Я приехал ночью, стал смотреть следы, в какую сторону овцы пошли.

Через несколько часов нашли их: овцы зашли в воронку, а выбраться не могли. Мы их только когда рассвело вытащили. Пастух там всю ночь был, ему плохо стало, а через несколько дней он умер.

Возле очередной воронки Нагим садится на корточки и поднимает с земли куски покореженного железа. Такие здесь валяются везде. Российские военные должны бы их утилизировать, но на самом деле собирают этот опасный мусор только равнодушные жители степи, вроде Нагима и его сына. Но им некуда всё это девать. Когда-то местные собирали металлолом и возили в скупку, для многих это был единственный способ заработка. Потом в каком-то пункте приема в Уральске догадались поднести к железу дозиметр. Фонило так, говорит Нагим, что принимать металл из Бокейорды перестали.

— Вот такие обломки ракет валяются до сих пор, — держит он

на ладони только что подобранные куски металла. — Российские военные должны приехать, огородить место падения, собрать обломки. Но обычно мы это сами делаем. А как-то у них ракета не разорвалась. И мы видели, как они приехали и эту ракету просто закопали. От того места до жилья примерно два километра. Были случаи, что ракеты падали в населенных пунктах на чей-то сарай. Такого, чтоб на дом упало, я не припомню, но точно мы не знаем, сколько разрушено, были ли погибшие, потому что с нашей стороны нет никакого контроля. Власти Казахстана пытаются это скрывать.

Воронка от ракеты. Фото: Рауль Упоров

Урда. Территория страха

При советской власти, когда до Бокейординского района дошла электрификация, здесь протянули провода, поставив для них деревянные опоры. Потом власть рухнула — и опоры тоже сгнили, но их поменять было уже некому. В селе Бурли, где

живет Нагим, он сам менял деревянные столбы на бетонные.

— Находил брошенные бетонные опоры, несколько месяцев их собирал по стройкам, — рассказывает Нагим. — Они бракованные были, их бросали, а я собирал и к нам перевозил. Провода привез, натянул, поставил трансформатор. Вон там — видишь? Деревянные столбы еще остались. На следующий год постараюсь их убрать и тоже поставить бетонные.

Ограду на кладбище тоже поставил Нагим. Стройматериалы, говорит, собирал для этого пять лет. А еще раньше он собрал денег на памятник казахам — героям Великой Отечественной. Случись что — болезнь какая или беда, или пожар, или ракетными осколками скотину убило — сельчане бегут к нему. Официально он никакой не начальник, а просто так повелось, что надо попросить Нагима — он поможет. И на полигон жалуются ему, а он много лет пишет письма, чтобы Россия прекратила испытывать ракеты возле его дома.

Из своего села Нагим везет нас западнее, ближе к границе с Россией, в бывший центр всей Бокейорды — аул Хан-Ордасы. Название переводится как Ханская Ставка. В XIX веке отсюда начали осваивать эту степь казахи во главе с ханом Бокеем. Если и есть в Бокейорде какие-то дороги, так это они уцелели с ханских времен. Сын Бокея, Жангир-хан, посадил в степи сосны, и они тоже сохранились с тех пор.

Бурли. Фото: Рауль Упоров

— Жангир-хан был человеком образованным, он выписал в степь специалистов — врачей, ученых, чтобы жили здесь, — рассказывает Нагим. — Один врач искал вакцины от ящура, от чумы.

К концу XIX века в Бокейорде были казначейство, русско-казахская школа и двухклассное женское училище, выпускалась газета, хан открыл первую в Казахстане больницу и первую метеорологическую станцию. При большевиках село стали называть просто Урда. В современном Казахстане ему вернули старое название, но местные всё равно говорят Урда.

Это одно из тех сел, которые ближе всего к границе с Россией и больше других страдают от полигона Капустин Яр.

И это же самая дикая и нищая часть Западного Казахстана: от дома Нагима до Урды 80

километров, а добираться на машине по степи, без дорог, часа четыре, не меньше.

Посреди поселка, недалеко от здания бывшего казначейства, есть маленькая чайная: пять столов, накрытых клеенкой, вместо стульев скамейки. Окошко совсем небольшое, а свет здесь стараются экономить, поэтому внутри темно. За стол садится немолодая женщина с усталыми руками. Это Бибигуль Шукаева, она пришла рассказать, как растила рядом с полигоном троих детей, а теперь нянчит внучку. Вместе с ней пришел сын Нурсултан — юноша с растерянным лицом. Социальный работник Нурбек помогает ему снять куртку, потому что левая рука у Нурсултана не действует.

Нурсултан Шукаев. Фото: Рауль Упоров

Из трех детей Бибигули больными родились двое старших — дочь и сын. У младшего сына уже своя семья, его дочка тоже

родилась больной. Бибигуль помогает за ней ухаживать. Сев за стол, она исподлобья смотрит на фотографа Рауля и что-то говорит ему. Я улавливаю слово «журналист».

— Она спрашивает: вот она поговорит с тобой — и что? — переводит Рауль. — Чем это ей поможет?

Я не знаю, так и говорю Бибигули. Она усмехается, потом начинает рассказывать. Старшая дочка умерла 13 лет назад, дожила она до двадцати. Да и как дожила? Лежала в кровати неподвижно, не говорила, не слышала ничего, не видела.

— Дочке инвалидность дали в три года, — говорит Бибигуль. — С рождения у нее начались припадки, судороги, она лежала, как овощ. К врачам возить ее я не могла.

Как раз в тот год, когда дочке дали инвалидность, Бибигуль родила Нурсултана. Еще через полгода стало понятно, что болен и он. У сына диагностировали отставание в развитии и эпилепсию. Сегодня ему уже тридцать, его мечта — найти какую-нибудь работу в селе. Но не берут даже на самую простую, потому что приступ эпилепсии у него может случиться в любой момент. А на лекарства Нурсултан должен вроде как сам зарабатывать, взрослым бесплатных лекарств не положено.

— Нам сказали, что нетрудоспособность у него 75 процентов, — объясняет Бибигуль.

Ее третий сын здоров, но его дочь не слышит, не говорит и тоже страдает эпилепсией.

— Внучка — это сейчас моя самая большая боль, — вздыхает Бибигуль. — Раз в три месяца нужно возить ее в город на плановую госпитализацию. Кладут ее на 10-15 дней, и надо или жить где-то в городе всё это время, или возвращаться домой, а

потом ехать еще раз за ней.

Бибигуль Шукеева. Фото: Рауль Упоров

Общественного транспорта между Бокейординским районом и Уральском нет. Не предусмотрено. А зачем транспорт, если дорог нет? В город внучку возит Бибигуль, каждый раз нанимая для этого машину.

— Это 7 тысяч тенге с человека, — говорит она. — Нам вдвоем съездить туда и обратно — 28 тысяч тенге.

28 тысяч тенге — это примерно 60 евро. Пособие, которое семья получает на больного ребенка, составляет 6900 тенге в месяц (14 евро). Даже если всё его откладывать, раз в три месяца на дорогу в Уральск и обратно не хватит. А надо еще покупать лекарства, бесплатно даже ребенку дают не все. Но главное не деньги. За те 10-12 часов, что уходят на дорогу в один конец, у девочки несколько раз случаются приступы.

В селе есть администрация, у которой какая-никакая машина уж точно имеется. Я спросила у Бибигуль, не предлагал ли ей кто-то из чиновников помощь с транспортом.

Она искренне удивилась: такая мысль ей даже в голову не приходила. Да и детей больных в Хан-Ордасы много, машин на всех не напасешься.

Бибигуль, конечно, не раз задумывалась, почему ей пришлось выхаживать сначала больных детей, а теперь больную внучку. Но в селе у них многие болеют. Говорят, что это из-за полигона, но поди это докажи.

— Как тут поймешь, кто виноват? — пожимает Бибигуль плечами. — Для этого тоже надо в город ездить, а у меня такой возможности нет. Даже если Россия виновата, что мне с этого? Я могу только за своими детьми ухаживать.

«Если спросите, вам скажут, что это наследственность»

По **данным** «Национальной энциклопедии Казахстана», изданной в 2005 году, за 56 лет существования полигона Капустин Яр там было взорвано 24 тысячи ракет, проведены испытания 177 видов военной техники, уничтожено 619 ракет СС-20. Радиационные проверки показали, что уже тогда, почти 20 лет назад, содержание в почве цезия-137, стронция-89 и других радиоактивных веществ было «в несколько раз выше допустимых норм». «Вредные радиоактивные вещества загрязнили почву, воду, посевные земли и пастбища для скота, — говорит энциклопедия. — При мед. обследовании местного населения на терр. полигона установлено, что среди них уровень психич. заболеваний (особенно детей) в 2,3 раза выше

ср. уровня по области и в 2,1 раза выше уровня по республике. Особенно преобладают злокачеств. опухоли, легочные заболевания, нарушения иммунной системы и состава крови». Прошло еще 19 лет. Всё это время Капустин Яр продолжает функционировать.

Бензоколонка в степи. Фото: Рауль Упоров

Официально в Бокейординском районе зарегистрированы 19 тысяч человек. Сколько живет на самом деле — неизвестно, многие уехали, многие, наоборот, работают на «точках» и живут в степи без всякой регистрации. В акимате (администрации) Нагим получил справку, согласно которой сейчас в их районе живут 114 человек, родившихся с инвалидностью. В год в среднем рождается еще по три больных ребенка. Умерли за три года 390 человек, из них 44 — от рака.

Деньги, те самые 6900 тенге, которые получают в Бокейорде дети с инвалидностью, здесь так и называют: «полигонные».

Больше нигде в Казахстане такой дополнительной выплаты нет.

И это в Бокейорде считают единственным подтверждением того, что власти все-таки связывают факт существования полигона с рождением больных детей.

— Ни о каких исследованиях на этот счет неизвестно ни с казахстанской стороны, ни тем более с российской, — говорит Нагим. — Россия и Казахстан вслух постоянно твердят, что нет никакой связи между полигоном и детьми-инвалидами. Надо проводить обследования, но этого не хотят ни Казахстан, ни Россия. Боятся, видимо, что выплывет всякое, плати потом за ущерб. И если вы спросите их, почему в семьях рождается столько больных детей, вам наверняка скажут, что это наследственность.

Почему не хочет проводить исследования Россия — понятно: какое ей дело до другой страны, которой она к тому же платит целых 2 доллара 30 центов за гектар земли. «Доплачивают» фактически бокейординские казахи, когда за свой счет нанимают машины для поездок к врачу и покупают лекарства. Вопросы надо задавать казахстанским властям, и Нагим много лет пытается это делать, но получает в ответ только справки с цифрами.

По словам главы районной администрации Нурлыбека Даумова, местные власти тоже не раз обращались к республиканским с просьбой расторгнуть договор с Россией. По закону мнение жителей Бокейорды учитываться должно. Но договор Россия и Казахстан регулярно продлевают, он действует до 2030-го.

— Россия нам отвечает, что готова отдать только 700 гектаров,

остальное всё равно хочет оставить в аренде, — добавляет Нагим. — Наши чиновники говорят, что связи между полигоном и болезнями в Бокейорде нет.

Одна из обязанностей социального работника Нурбека — составлять и отправлять в райцентр списки односельчан с инвалидностью. Поэтому он знает общую картину.

— Я вижу, что число детей, родившихся с инвалидностью, у нас больше, чем в других районах, — говорит Нурбек. — Патологии разные. Есть слепые, им дают бессрочную инвалидность. Много патологий рук и ног, много неврологических расстройств. Есть дети, родившиеся с задержкой роста, таким инвалидности не дают. Один из моих подопечных, Асылбек Исхалиев, уже взрослый человек, работает, пасет скот, сам водит мотоцикл, трактор, он вполне дееспособный человек, только ростом с ребенка. И дочка у него родилась с той же болезнью.

Официально любой чиновник скажет, что вред от полигона никак не доказан. Но есть совсем свежий документ: постановление администрации Бокейординского района о выплатах «инвалидам, пострадавшим от последствий деятельности полигонов». Речь идет, в частности о Капустинском Яре (в документе фигурирует еще один полигон из тех трех, что сохраняются в Казахстане, Азгир, но он находится в другом районе). По данным бокейординских властей, за 9 месяцев 2023 года (постановление датировано октябрём) всем «пострадавшим от ядерных полигонов» выплачено из местного бюджета 23,7 миллиона тенге (48,8 тысяч евро). Так и сказано: ядерных.

«Больше всего я боюсь умереть раньше своего ребенка»

Улбике Бурашевой 29 лет, у нее уже начали седеть волосы, а зубы выпали почти все. В остальном она — как ребенок. Улыбается во весь рот, тянет руку здороваться, потом

устраивается на стуле и слушает, как мама, Айман, о ней рассказывает.

Айман не может отойти от дочки даже на четверть часа с самого рождения девочки. Диагноз они узнали, когда Улбике было пять лет: задержка психического развития.

— У дочки свои особенности, — рассказывает Айман. — Если она что-то надела, то поменять одежду — проблема, она не хочет с ней расставаться. Когда она теряет из поля зрения привычную вещь, у нее может случиться паническая атака. Она всё время дома, и я должна постоянно быть рядом.

Улбике Бурашева и ее мама Айман. Фото: Рауль Упоров

Это значит, что работать Айман не может. Живут они за счет собственного хозяйства и подработок, которые находит муж Айман.

— Вырастили молодняк, откормили, осенью сдали — вот и

какие-то денежки, — объясняет Айман. — Часть потратили на корма, на что-то еще, остальное на жизнь. Газ, воду — всё пришлось проводить за свой счет. Муж не может найти постоянную работу в селе, а в город нам переехать некуда.

Переехать в город — это главная мечта Айман. Хотя бы для того, чтобы не возить Улбике к врачу в такую даль, не тратить столько времени и денег на дорогу.

— Это целая проблема, — машет она рукой. — Главное даже не расходы на такси, проблема еще и чисто физиологическая. Улбике нужны памперсы, сама она всё это контролировать не может. Своего жилья у нас в городе нет, и мы всегда просились к знакомым на ночевку. Как бы я ни мыла ее, как бы ни меняла памперсы, это всё равно дискомфорт, это запах.

А самое главное, уверена Айман, что жизнь в городе могла бы дать Улбике хоть какую-то социализацию.

— Самое тяжелое для меня — что у дочки совсем нет друзей, — продолжает мама. — Она вроде бы взрослая, но понятно, что сверстники с ней общаться не хотят. И, конечно, дети не могут с ней играть. А в городе совсем другие возможности: там есть коррекционные классы, где Улбике могла бы учиться и получать какие-то социальные навыки, там есть массаж, можно решить множество других вопросов. В городе есть логопед. Улбике ведь понимает, что ей говорят, и ее речевые навыки наверняка можно было бы развить. Мне бы так хотелось, чтобы дочка хоть сколько-то пожила по-человечески.

Помимо «полигонных», Айман получает за Улбике пенсию по инвалидности, 89 тысяч тенге (184 евро). Но все эти деньги уходят на лекарства.

— Как-то я решила их откладывать, чтобы повезти дочку на массаж, — грустно улыбается женщина. — Подумала, что накопим, снимем квартиру в городе, будем ходить на процедуры. Но выяснилось, что самый дешевый массаж — 15 тысяч тенге за один сеанс.

В том, что болезнь дочери связана с российским полигоном, Айман не сомневается. Но ни времени, ни сил, ни денег на то, чтобы что-то доказывать и за что-то бороться, у нее нет.

— Да и кому доказывать? — усмехается Айман. — России?

От казахстанских властей ей удалось добиться одного: восемь лет назад, в 2016-м, их семью поставили в очередь на получение жилья в Уральске. Тогда им присвоили номер «16 тысяч какой-то». В конце 2023 года выяснилось, что они приближаются к трехтысячному. Теперь Айман думает, что ее Улбике может просто не дожить до нормальных условий.

— Больше всего я боюсь умереть раньше своего ребенка, — опускает глаза Айман. — Только я понимаю, что говорит Улбике, только я могу ее одеть, помыть, успокоить. Умру — позаботиться о ней будет некому. Сейчас мне пятьдесят. За мою жизнь мне пришлось пропустить через свои руки трех инвалидов. Сначала я ухаживала за свекровью с деменцией и за братом мужа, который был слепым от рождения и умер от рака. С Улбике сижу уже 29 лет. Поэтому я никогда не работала, и пенсия у меня будет микроскопическая. Что мы будем делать, когда не сможем вести хозяйство, не знаю. В будущем меня не ждет ничего хорошего.

«Мы можем только жить с этим знанием»

Такие «цели» военные ставят для учений. Фото: Рауль Упоров

Когда российские военные испытывают очередную ракету, казахов об этом никто не предупреждает. Но о каждом взрыве в Бокейорде знают. В Урде знакомый грохот слышат как минимум дважды в месяц. Но есть вещи и пострашнее.

— Периодически военные сбрасывают в степи топливо, — рассказывает Нагим. — И тогда ядовитый запах чувствуется даже в двухстах километрах от нас, в соседнем районе. Как-то я начал обзванивать наши власти, а те вышли на российских военных. Военные приехали и сказали, что по договору с Казахстаном имеют право сбрасывать, их топливо — это не какие-то отравляющие вещества.

Еще одно последствие соседства с полигоном — постоянные степные пожары. Тушить их по договору должны российские военные, но даже если они вдруг проявят рвение, то к их приезду гореть будет уже весь район.

— Поэтому мы сами тушим, у меня есть свои технологии, — продолжает Нагим. — По направлению ветра я вижу, куда идет огонь, объезжаю его и пускаю навстречу другой огонь. И два пожара тушат друг друга. Что вы говорите? Вертолет? Да кто ж его сюда пришлет! Если я позвоню, мне скажут: туши сам.

По данным районной администрации, в 2023 году в Бокейорде произошло 16 пожаров, связанных с падениями ракет. Это только то, что посчитали официально. У одного фермера в огне погибли тысяча овец, у другого сгорел трактор. Возместить им ущерб некому

Нурлы тоже родилась в Урде, недавно ей исполнилось десять лет. Красивая и очень серьезная девчонка с длинными волосами, убранными в конский хвост, сидит рядом с мамой на подушках, брошенных на пол, так принято в казахских селах. Недавно Нурлы читала стихи на районном конкурсе и победила. Я прошу ее и мне тоже почитать. Она улыбается и с удовольствием читает на казахском, не вставая с подушек. Нурлы страдает детским церебральным параличом, ей трудно двигаться, а в остальном она смелый и активный ребенок. До второго класса она училась дома, но район перестал финансировать эту программу, и Нурлы пошла в обычную школу.

Нурлы и ее мама Арайлым. Фото: Рауль Упоров

— Первое время было трудно, — признается она. — В классе не хотели со мной общаться, на переменах я была одна. Потом все привыкли и стало нормально. Теперь у меня есть подруги. И теперь мне в школе даже лучше, чем дома.

О том, что Нурлы никогда не станет обычным здоровым ребенком, ее мама Арайлым узнала, когда дочке исполнился год. У девочки были судороги, но объяснений врачи не находили. Потом поставили диагноз ДЦП.

— Каждые полгода мы должны ездить в город, чтобы получить новые назначения, лекарства и всё остальное, — говорит Арайлым. — Ездим за свой счет на такси. Стараемся подобрать день, чтобы были попутчики, чтобы за всю машину не платить. Попутчики почти всегда есть, по-другому никому не добраться в город, но всё равно для нас это дорого. Когда мы в последний раз были у врача, нас предупредили, что инвалидность через год снимут. Почему — никак не объяснили. Получается, что мы

лишимся пособия, а это хоть какая-то прибавка на поездки в город и на лечение.

Арайлым никогда не задумывалась о том, чтобы требовать у государства каких-то компенсаций. Хотя она не сомневается, что болезнь дочери связана с российским полигоном.

— Я выясняла, из-за чего возникает эта болезнь у детей, и никаких других причин, кроме российского полигона, не вижу, — уверена Арайлым. — Но даже пройти какое-то обследование нам никто никогда не предлагал. Поэтому всё, что я могу, — только знать о том, что виноват полигон, и жить с этим знанием.